

ЛИКА РУСАЛ

ГОРНИЧНАЯ
для двух Ли

ТОМ 1

Ли́ка Ру́сал
Горничная для двух Ли. Том 1
Серия «Горничная
для двух Ли», книга 1

*<https://litres.ru/73762522>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Обычная девушка внезапно оказывается в чужом, роскошном и пугающе холодном мире. Теперь она — горничная в огромном особняке семьи Ли.

Здесь правят двое:

Ли Джунхёк — холодный и властный глава семьи, от взгляда которого замирает дыхание.

Ли Доён — его дерзкий сын, чья обжигающая улыбка заставляет сердце биться чаще.

Два разных мужчины. Два запретных притяжения. Один дом, полный тайн и странных правил, где за тобой постоянно наблюдают.

Юн Соа не знает, как сюда попала и как выбраться. Она старается оставаться незаметной, но с каждым днём всё глубже погружается в опасную атмосферу особняка.

Страх и желание переплетаются. Контроль и бунт сталкиваются. А она — в самом центре этой опасной игры.

Если любишь корейские дорамы с любовным треугольником и тёмной романтикой — эта история захватит тебя с первой страницы.

Первая книга дилогии.

Готовы потерять голову между холодом и огнём?

Шорт-лист конкурса "Любовь между строк" 2026 года.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	27
Глава 3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Ли́ка Русал Горничная для двух Ли. Том 1

Пролог

Я не помню, как оказалась здесь.

Осталось только ощущение — будто меня вырвали из привычной реальности и уложили в эту тишину, слишком плотную, чтобы быть пустой. Диван подо мной мягкий, почти утопающий, но тело напряжено, словно я жду удара. Воздух прохладный, и в нём есть что-то лишнее — не запах, не звук... присутствие.

Я не одна.

Это понимание приходит раньше, чем я успеваю открыть глаза.

Сначала — движение воздуха у шеи. Не прикосновение даже, а намёк на него. Кожа откликается мгновенно, как будто её коснулись. Я вздрагиваю, делаю резкий вдох — и только тогда открываю глаза.

Полутьма. Не тьма, в которой ничего не видно, а та, что скрывает ровно столько, сколько нужно, чтобы воображение сделало остальное.

И в этой полутьме — они. Два силуэта. Я не вижу лиц, но различаю разницу сразу. Она не в деталях — в ощущении.

Один — неподвижный. Слишком. Его присутствие не требует движения. Пространство вокруг него будто выравнивается, подчиняется, становится жёстче. Я не вижу его глаз, но уверена: если он посмотрит — я это почувствую, даже не поднимая взгляда.

Второй стоит ближе. И уже этим нарушает границы. В нём нет той же тяжести, но есть другое — лёгкое, почти ленивое напряжение, как у человека, который заранее знает исход игры.

Я пытаюсь приподняться. Не получается. Не потому что меня держат. Просто тело не реагирует так, как должно.

— Это сон...

Голос звучит тише, чем я ожидала. Никто не отвечает. Но второй силуэт делает шаг.

Я не слышу его — просто чувствую, как меняется расстояние между нами. И в следующую секунду его пальцы уже у моего запястья. Не сжимают. Не удерживают. Просто лежат. И этого достаточно, чтобы всё внутри сбилось.

Тепло. Не резкое, не грубое — наоборот, почти осторожное. Но именно поэтому оно пугает сильнее. Я чувствую, как по руке поднимается тонкая, тягучая волна, как будто он не просто касается — проверяет реакцию.

Моё дыхание сбивается. Я дёргаюсь, пытаюсь освободить руку — и только тогда понимаю, что не хочу, чтобы он уби-

рал её. Это знание ударяет сильнее, чем страх.

— Отпусти...

Но голос не звучит как приказ. Скорее — как попытка убедить саму себя.

Мужчина не отвечает. Только чуть смещает пальцы, медленно, почти лениво — и это движение отзывается где-то глубже, чем должно.

И в этот момент появляется второй. Не шагом. Просто... оказывается ближе. Я не замечаю, как он перемещается — только то, что теперь холод у моей спины становится ощутимым. Он не касается сразу. Сначала — пауза. Как будто даёт мне время понять, что он здесь. И только потом — ладонь на плече. Холодная. Не ледяная, а именно холодная — как металл, который долго лежал в тени.

Я резко втягиваю воздух. Контраст между ними почти болезненный: тепло у запястья, холод на плече. Два разных ощущения, которые не смешиваются — сталкиваются. Я замираю между ними, не зная, куда сместиться, от чего отстраниться.

— Кто вы... — На этот раз голос звучит тише.

Ответа нет. Но холодная ладонь чуть сдвигается — от плеча к шее. Не спешит. Не давит. Просто фиксирует. И я вдруг отчётливо понимаю: если он захочет — я не смогу отвернуться. В этом нет угрозы. И от этого страшнее.

Второй смеётся. Тихо. Почти беззвучно. И его пальцы скользят выше — от запястья к внутренней стороне ладони,

туда, где кожа чувствительнее. Слишком медленно. Слишком осознанно. Как будто он изучает меня. И знает, что я это чувствую.

Я закрываю глаза на секунду — и тут же открываю, потому что становится ещё хуже. Потому что без взгляда остаются только ощущения. А их слишком много. Я больше не понимаю, где заканчивается страх. И где начинается...

Я резко втягиваю воздух. Нет. Нет. Это неправильно. Я пытаюсь вырваться — и в этот момент холодная ладонь на шее чуть сжимается. Не сильно. Ровно настолько, чтобы остановить. И я замираю. Сердце бьётся где-то в горле.

Второй наклоняется ближе — я не вижу лица, но чувствую, как меняется воздух у губ. Слишком близко.

— Ты правда думаешь, что сможешь уйти? — шёпот. Первое слово. И он звучит так, будто я должна была его услышать.

Я открываю рот — ответить, возразить, сказать хоть что-то... Но холодная ладонь на шее чуть смещается вверх. И слова исчезают. Остаётся только дыхание. И ощущение, что я... между ними. Не рядом. Не отдельно. А именно между. Как будто они уже разделили пространство — и я оказалась в центре.

Я не знаю, сколько это длится — секунды? минуты? — но в какой-то момент всё обрывается. Резко. Словно кто-то перерезал нить.

Я срываюсь с места, резко садясь.

Комната. Моя. Обычная. Тёмная.

Тишина.

Я жадно хватаю воздух, пытаюсь вернуть дыхание в норму. Руки дрожат. Кожа — тоже. Слишком ярко. Слишком реально. Я провожу пальцами по запястью. Потом — по шее.

Ничего. Конечно, ничего.

Это сон. Просто сон.

Я делаю ещё один вдох. И только тогда замечаю: дыхание всё ещё сбивается... Ровно в тех местах, где меня касались.

Глава 1

Тридцать.

Цифра звучала в голове, словно приговор. Не юная, не перспективная, не особенная — просто тридцать. Ещё не старость, но уже не те годы, когда веришь, что всё ещё впереди. Когда каждый новый день казался шансом, а не очередным циклом из работы, дома и редких встреч с подругами, которые всё чаще спрашивали: «Ну когда же ты найдёшь кого-то серьёзного?»

Я шла по улицам Сеула, привычно втягивая голову в плечи. Утро выдалось серым, как и большинство моих дней. В кармане пальто лежала помятая упаковка дешёвых леденцов — единственное утешение после бессонной ночи.

Расставание с Мин-хо прошло без драмы: он просто сказал, что «нам нужно время», — а я поняла, что это конец. Время ему нужно было с кем-то другим. Наверняка с той улыбчивой ассистенткой из отдела маркетинга — я видела их вместе в кафе на прошлой неделе. Она смеялась над его шутками слишком громко, а он смотрел на неё так, как никогда не смотрел на меня.

Кроссовки, купленные на распродаже, слегка промокли от утренней сырости. Я поправила лямку сумки на плече и ускорила шаг. До начала смены в офисе корпорации «Хансон» оставалось двадцать минут — как раз хватит, чтобы до-

пить кофе из пластикового стаканчика и переодеться в униформу.

«Обычная жизнь обычной женщины», — подумала я, глядя на своё отражение в витрине магазина. Усталые глаза, тёмные круги под ними, волосы, собранные в небрежный хвост. Ничего выдающегося: ни яркой внешности, ни талантов, ни амбиций. Просто Юн Соа — уборщица с зарплатой ниже средней и ипотекой на крошечную квартиру в спальном районе.

Я вспомнила, как мама когда-то говорила: «Соа, ты такая красивая, у тебя всё получится». Ей было всего тридцать пять, когда она ушла — рак. Быстро, беспощадно, оставив меня одну с отцом, который так и не смог смириться с потерей. Он начал пить, потом потерял работу, а затем и меня — в каком-то смысле. Через два года он просто не проснулся. Так я осталась сиротой в семнадцать.

С тех пор красота, о которой говорила мама, куда-то подевалась. Остались только мешки под глазами от недосыпа, тонкие морщинки у глаз — от слишком частых попыток улыбаться, когда не хочется, — и привычка прятать взгляд, будто я всё ещё та испуганная девочка, которая боится напомнить окружающим, что она здесь.

Впереди замигали светофоры, и я прибавила шагу, стараясь успеть на зелёный. Машины проносились мимо, окутывая запахом выхлопных газов. Я уже почти перешла дорогу, когда услышала этот звук — визг тормозов.

Резкий, пронзительный, будто кто-то разорвал небо пополам. Время замедлилось. Я увидела, как фары несущейся машины становятся всё ближе, услышала чей-то крик, почувствовала, как сердце проваливается куда-то вниз. Инстинкт сработал раньше, чем разум: я отпрыгнула в сторону, прижимая сумку к груди. Асфальт больно ударил по ступням, но я устояла.

— Эй, осторожнее! — крикнул кто-то из проезжающей машины.

Я выдохнула, пытаюсь унять дрожь в руках. Поправила выбившуюся прядь волос и наклонилась, чтобы поднять блокнот — он выскользнул из сумки в момент прыжка. Пальцы коснулись мокрого асфальта, схватили синий плотный корешок, и я выпрямилась.

Ладони вспотели, несмотря на утреннюю прохладу. Я глубоко вдохнула, пытаюсь успокоить дыхание. «Всё в порядке, — сказала я себе. — Ты в безопасности. Это просто невнимательный водитель. Ничего страшного не произошло».

Надо срезать путь через переулок — так будет быстрее. Я свернула за угол, привычно представляя себе знакомый маршрут: мусорные баки у кафе, где по утрам всегда пахнет свежесваренным кофе и тостами; граффити на стене — тот самый синий дракон, которого кто-то нарисовал прошлой весной; узкая дорожка между зданиями, где вечно скапливается мусор, но зато можно сэкономить пять минут.

Но вместо этого увидела аллею.

Широкую, вымощенную гладким серым камнем, обсаженную деревьями с серебристыми листьями. Они шелестели на ветру, и звук казался слишком чистым и отчётливым для городского шума. Каждый лист блестел, будто покрыт тонким слоем серебра, а ветви изгибались с какой-то неестественной симметрией — так не бывает в природе.

В конце аллеи, в лёгкой дымке, высился особняк — величественный, с высокими окнами и резными перилами на балконах. Его стены отливали перламутром, словно сделанные не из камня, а из застывшего тумана. На фронтоне виднелся герб: переплетённые ветви и что-то похожее на глаз в центре. Детали выглядели настолько чёткими, что я могла разглядеть каждую линию, хотя расстояние до здания составляло не меньше сотни метров.

Я замерла, моргая. Этого не могло быть. Я знала весь район как свои пять пальцев: здесь не располагалось никаких аллей и особняков — только бетонные коробки, вывески магазинов и вечно спешащие люди. Каждый день на протяжении последних пяти лет я ходила именно этим маршрутом. Я помнила каждую выбоину на асфальте, каждый рекламный щит, каждое кафе с его кричащей вывеской.

Но не теперь.

Я оглянулась.

За спиной больше не было улицы Сеула. Чёрное марево клубилось там, где только что стояли здания, перетекало волнами, поглощая очертания города. Оно не казалось од-

народным — в нём мерцали какие-то тени, далёкие огни и вспышки мелких молний. Воздух стал гуще, тяжелее, словно я дышала не кислородом, а чем-то вязким, насыщенным. Звуки города — гудки машин, голоса прохожих, шум метро — исчезли, сменившись тишиной, в которой слышалось лишь собственное учащённое дыхание и стук сердца, отдающийся в висках.

«Это не может быть реальностью», — подумала я, сжимая лямку сумки так сильно, что заболели суставы пальцев.

Но всё выглядело слишком чётким и детализированным. Не галлюцинация, не мираж, а... картинка из манхвы или дорамы? Листья на деревьях шевелились от ветра, на камнях аллеи играли блики света, а от особняка веяло чем-то древним, почти забытым — как запах старых книг или высушенных трав.

Я потрогала рукав пальто — ткань ощущалась так же, как всегда. Подняла ногу, ступила на край аллеи — камень твёрдый, холодный, с едва заметными неровностями под подошвой.

Может, я всё ещё сплю? Может, это последствия стресса, бессонницы, разбитого сердца? Я ущипнула себя за руку — больно. Неправдоподобно больно для сна. Или нет?

Я помассировала переносицу, пытаюсь прийти в себя. В голове крутились обрывки воспоминаний: вчерашний вечер, когда я сидела на диване с чашкой остывшего чая и смотрела какой-то сериал, не понимая сюжета; утро, когда будильник

прозвенел в шестой раз, а вставать всё равно не хотелось; дорога сюда, знакомая до мелочей...

И вдруг — этот резкий переход.

Тёмное марево за спиной медленно, неумолимо приближалось. Оно не просто стояло — оно двигалось, напоминая живое существо, поглощающее реальность метр за метром. Я почувствовала, как вдруг стало зябко — не от утренней прохлады, а от чего-то более сложного, инстинктивного.

Глубоко вдохнув, я сделала шаг вперёд — на аллею. Потом ещё один. Ноги сами понесли меня к особняку: что-то внутри уже знало — назад пути нет. Что бы это ни было — сон, галлюцинация или что-то ещё более странное — я оказалась здесь. И теперь должна была выяснить, почему.

Аллея тянулась бесконечно, но с каждым шагом особняк становился ближе. Его окна, тёмные и загадочные, казалось, следили за мной. Я чувствовала это затылком, лопатками, каждой клеточкой кожи.

«Что происходит?» — мысленно спросила я, но ответа ожидаемо не последовало.

Только шелест листьев, стук сердца и ощущение, что с этой секунды моя «обычная жизнь» осталась где-то далеко позади.

Я остановилась, разглядывая панораму. Всё в этом странном месте напоминало картинку, как если бы кто-то незримый взял и усилил резкость мира в десять раз. В Сеуле всё оставалось серым, размытым, покрытым слоем городской

пыли и усталости. Здесь же цвета играли, переливались. Я смотрела на мир через фильтр детской сказки — именно такое сравнение приходило одним из первых.

«Может, я ударилась головой при прыжке? — мелькнула мысль. — Потеряла сознание, а теперь лежу где-то на асфальте, и это всё — бред?»

Я снова ущипнула себя — на этот раз за предплечье. Боль была чёткой, острой, без всяких сомнений.

Загадочное марево за спиной шевельнулось. Я продолжила свой путь: странная завеса словно принуждала именно к этому.

Аллея манила и пугала одновременно. Она выглядела так, будто существовала вне времени. Ни граффити, ни следов вандализма, ни мусора — ничего из того, что неизбежно скапливается в любом городе. Только безупречная симметрия.

«Кто посадил эти деревья? Кто выложил эту дорогу? И почему она ведёт именно к этому особняку?»

Я сделала ещё несколько шагов, и с каждым движением тревога отступала, сменяясь странным, почти детским любопытством. В груди зашевелилось давно забытое чувство — то самое, что я испытывала в детстве, когда мама рассказывала мне сказки перед сном. Тогда мир казался огромным, полным чудес и возможностей. Но вера в чудеса исчезла из моей жизни вместе с ней... И вот теперь они вернулись — внезапно, безжалостно, вломившись в мою скучную, пред-

сказуемую жизнь.

Я всё ближе подходила к особняку. Его дверь — массивная и тёмная, с серебряной инкрустацией — теперь казалась ещё внушительнее. Я остановилась в метре от неё, не решаясь постучать. Что я скажу, если кто-то откроет? «Извините, я случайно оказалась здесь, в месте, которого не существует в моём мире?»

Прежде чем я успела придумать хоть какой-то план, дверь распахнулась сама.

На пороге появился человек — высокий, худощавый, с безупречно прямой спиной и лицом, на котором застыло выражение вежливого безразличия. Аккуратно зачёсанные назад седые волосы, тёмный костюм сидел идеально — явно сшитый на заказ. В руках он держал серебряный поднос с чашкой, от которой поднимался лёгкий пар.

— Новенькая горничная? — спросил мужчина тусклым, бесстрастным голосом.

Я сглотнула, отступая назад. Вопрос прозвучал не как вопрос, а как утверждение — так, будто другого ответа и быть не могло.

«Нет, я не горничная, — хотелось замотать головой. — Я вообще не знаю, как сюда попала. Отпустите меня обратно в мой Сеул, к моей скучной, но понятной жизни».

Но вместо этого губы сами произнесли:

— Да.

Голос прозвучал тихо, неуверенно, но всё же прозвучал. Я

сама не поняла, почему согласилась. Может, потому что это оказалось проще, чем объяснять, что я заблудилась в мире, которого не должно существовать? Или потому что внутри меня что-то шептало: «Если откажешься — потеряешь шанс изменить свою серую безрадостную жизнь»?

Мужчина окинул меня быстрым, оценивающим, но без осуждения взглядом. Его глаза — тёмные и пронизательные — задержались на моих промокших кроссовках, потрёпанной сумке и растрёпанных волосах.

— Понятно. Знаете, опоздание в первый день — не лучший старт. Но, полагаю, у вас были причины.

Он отодвинулся в сторону, пропуская меня внутрь. Я по-медлила. Разум кричал: «Беги! Это ловушка! Ты не знаешь, куда идёшь!» Но ноги уже сами сделали шаг навстречу неизвестности.

— Прошу, — мужчина слегка наклонил голову. — Следуйте за мной. Господа не любят ждать.

«Господа?» — мысленно повторила я. Стало ещё волнительнее. Кто эти господа? Хозяева особняка?

Мы вошли в холл. Он оказался ещё величественнее, чем я представляла: высокие потолки с лепниной, массивные люстры, в которых мерцали огни, напоминающие светлячков, а не свечи. Пол был выложен мраморными плитами с витиеватым узором — чёрно-белыми, переплетающимися, как реки на карте.

Воздух здесь пах иначе: не просто старыми книгами и тра-

вами, а чем-то более сложным — полированным деревом, воском, лёгким ароматом лаванды. И ещё чем-то неуловимым, что заставляло кожу покалывать, будто рядом притаилось что-то... необычное.

Слуга шёл впереди, держа поднос с чашкой так ровно, будто в его руках находился не фарфор, а продолжение тела. Я старалась не отставать, но то и дело замирала, разглядывая детали: картины на стенах — не портреты, а пейзажи странных мест: леса с деревьями, чьи ветви сплетались в узоры, напоминающие те, что я заметила и на гербе особняка; зеркала в резных рамах, в которых моё отражение дрожало, как вода в пруду; часы на стене — старинные, с вензелями, но стрелки на них не двигались.

— Сюда, — слуга свернул в боковой коридор, узкий и тёмный по сравнению с холлом. — Ваша комната находится на третьем этаже. Там вы переоденьтесь и получите дальнейшие инструкции.

Я хотела спросить: «Почему вы так уверены, что я останусь?», но вместо этого кивнула:

— Хорошо.

Коридор вёл вверх по лестнице — узкой, с коваными перилами, украшенными теми же переплетёнными ветвями. Ступени скрипели под ногами, но звук оставался каким-то неправильным — слишком гулким, долгим, словно эхо доносилось не из этого места.

На втором этаже слуга остановился у двери.

— Здесь вы найдёте униформу и базовые указания. Когда будете готовы, спуститесь в столовую.

Он протянул мне поднос с чашкой.

— Выпейте это. Поможет адаптироваться после долгой дороги.

Чай пах мятой и ещё чем-то пряным. Я колебалась. «Что, если это яд? Или снотворное? Клофелин? Да мало ли что вообще может подсунуть незнакомый мужчина!»

Но слуга смотрел на меня спокойно, без угрозы, и в его взгляде я не замечала ничего, кроме вежливого ожидания. Глубоко вдохнув, я поднесла чашку к губам и сделала глоток.

Вкус оказался неожиданным — не горьким и не сладким, а каким-то полным, как первый глоток воздуха после долгого погружения под воду. Тепло разлилось по телу, снимая напряжение, которое я даже не замечала. Мысли прояснились, а страх отступил, оставив место решимости.

— Спасибо, — благодарно улыбнулась я.

— Не за что, — кивнул слуга. — Добро пожаловать в особняк, Юн Соа.

Я вздрогнула.

— Вы знаете моё имя?

Он слегка улыбнулся — впервые за всё время показывая живую эмоцию.

— Конечно. Мы ждали вас. Ваше резюме горничной уже на столе старшего господина.

Дверь за мной закрылась, оставляя одну в комнате, пол-

ной незнакомых вещей и ещё более незнакомых вопросов.

Я огляделась. На кровати лежала аккуратно сложенная униформа — тёмно-синее платье с белым фартуком и кружевным воротничком, совсем как в старых фильмах про горничных. Рядом — пара туфель на низком каблуке, идеально подходящего размера.

«Что это значит? — пронеслось в голове. — Почему всё так... подготовлено? Как будто они знали, что я приду. Но ведь я не присылала никакого резюме...»

В комнате было тихо, только едва слышно тикали часы на стене — как в лавке антиквариата, с маятником, который двигался как-то неестественно плавно, вопреки законам времени. Солнечный свет пробивался сквозь тёмные плотные шторы, ложась на пол золотыми полосами. Но даже в этом свете чувствовалась какая-то нереальность, словно всё вокруг было нарисовано, а не создано из плоти и камня.

Решив, что стоять на пороге — не самый действенный вариант в моём случае, я направилась к зеркалу, висевшему над резным комодом. Оно казалось огромным, в позолоченной раме, усыпанной мелкими камнями, похожими на бриллианты. В глубине стекла мерцало что-то, напоминающее далёкие звёзды.

Глубоко вдохнув, я подняла взгляд. И шумно сглотнула. Из зеркала на меня смотрела совсем другая девушка. Не я — не та Юн Соа, которой я была минуту назад. Не женщина с усталыми глазами и растрёпанными волосами, не тридца-

тилетняя уборщица с ипотекой и разбитым сердцем.

Передо мной стояла юная девушка лет девятнадцати. Её кожа оказалась невероятно гладкой, без следов усталости и недосыпа. Под глазами не нашлось места для тёмных кругов — только лёгкая тень ресниц, подчёркивающая глубину взгляда.

Волосы... Мои волосы! Они стали длинными, спускались ниже плеч мягкими волнами карамельного оттенка, отливая золотом в солнечном свете. Пряди падали на плечи, лёгкие и блестящие, как шёлк.

Черты лица изменились: скулы стали более выраженными, нос — тоньше, губы — полнее, с естественным розовым оттенком. Глаза казались больше, ярче, с каким-то новым, живым блеском. В них больше не отражалось той тяжести прожитых лет — только любопытство, страх и что-то ещё, чего я не могла определить.

Я подняла руку, коснулась своего лица — и отражение повторило движение. Это была я. Но не я.

— Нет... Это невозможно.

Но отражение не исчезло. Оно продолжало смотреть на меня — молодая, красивая, совершенно незнакомая Юн Соа.

«Что они со мной сделали? — мысли металась в панике. — Этот чай? Слова слуги? Или всё началось ещё там, на аллее?»

Я снова приблизилась к зеркалу, вглядываясь в каждую

деталь. Пальцы дрожали, когда я провела по волосам — они были настоящими, мягкими, живыми. Ущипнула себя за щеку — больно. Снова больно. Слишком реально для сна или галлюцинации.

«Мне тридцать. Я работала уборщицей. У меня был парень, который меня бросил. Я шла на работу, когда всё это началось...»

Воспоминания остались на месте. Они не исчезли, не стёрлись — но теперь словно принадлежали кому-то другому. Той, кто осталась где-то за чёрным туманным маревом.

— Что... что вы со мной сделали? — голос прозвучал тихо, почти беззвучно.

Зеркало молчало. Оно просто показывало правду, которую я не могла отрицать.

За спиной раздался тихий стук в дверь.

— Юн Соа, вы готовы? — донёсся голос слуги. — Пора спускаться. Работа не ждёт.

Я обернулась, сжимая край платья. Сердце билось так сильно, что, казалось, вот-вот вырвется из груди, переломав рёбра.

«Я не готова, — подумала я. — Я вообще не понимаю, что происходит».

Но вслух произнесла:

— Да. Иду.

Кинув последний взгляд в зеркало — на девушку, которой я стала, — я повернулась к выходу из комнаты. И пошла

навстречу тому, что ждало меня за её пределами.

Глава 2

Дверь открылась без скрипа — плавно, бесшумно, словно её движение составляло часть какого-то древнего ритуала. Слуга ждал в коридоре, всё так же держа спину идеально прямой. В его руках больше не было подноса — только тонкая папка с бумагами, перевязанная шёлковой лентой.

— Прошу следовать за мной, — произнёс он, не дожидаясь моего ответа.

Я повиновалась, но сначала бросила последний взгляд в зеркало. Девушка с карамельными волосами всё ещё смотрела на меня оттуда — молодая, незнакомая, но в то же время пугающе моя. Её глаза казались ярче, чем раньше, а в глубине зрачков, словно отблеск далёкого огня, блестело предвкушение. Сглотнув, я повернулась.

Мы двинулись по коридору. Под ногами шуршал ковёр с витиеватым узором — тёмно-синий, с серебряными нитями, идеально вписанный в выверенный интерьер роскоши. На стенах начали появляться другие картины — портреты. Лица на них казались живыми: их взгляды следовали за нами. Я невольно ускорила шаг, стараясь не смотреть на мазки яркой краски, но краем глаза всё равно замечала, как чьи-то глаза на том или ином портрете чуть поворачиваются, провожая меня.

— Меня зовут господин Ким, — заговорил слуга, когда

мы начали спускаться по лестнице. — Я старший дворецкий особняка Ли. Вы, Юн Соа, будете подчиняться непосредственно мне.

Он сделал паузу, поправляя и без того идеальный манжет, и продолжил:

— Обязанности горничной включают поддержание порядка в жилых помещениях, помощь в организации приёмов, сервировку стола и выполнение поручений господ. График работы — с 7:00 до 20:00, с перерывом на обед с 13:00 до 14:00. Выходные — один день в неделю, по согласованию.

Пока он говорил, я пыталась сосредоточиться на его словах, но взгляд то и дело цеплялся за детали. И некоторые из них выделялись — словно новые штрихи в столетней истории особняка.

«Достраивали? Реставрировали? — пронеслось в голове. — Значит, хозяева достаточно богаты, раз могут позволить себе не только содержать, но и улучшать это место...»

— Особняк принадлежит семье Ли уже более трёхсот лет, — продолжал господин Ким. — Господин Ли Джунхёк — нынешний глава семьи и основатель корпорации «Ли Групп», занимающейся инвестициями, технологиями и недвижимостью. Его деятельность охватывает не только Корею, но и международные рынки. Корпорация участвует в крупных инфраструктурных проектах, включая строительство умных городов и разработку экологически чистых технологий.

Он остановился у массивной двери из тёмного дерева.

— Младший господин Ли Доён, сын главы семьи, является вице-президентом компании и курирует инновационные проекты. В его ведении — исследовательские лаборатории и стартапы, связанные с искусственным интеллектом и биотехнологиями.

Господин Ким открыл дверь, и мы оказались в просторной комнате, где уже находились несколько человек в униформе горничных. Все они были примерно моего возраста, но с совершенно разными типами внешности — от хрупкой девушки с фарфоровой кожей до статной женщины с пронзительным взглядом.

— Позвольте представить, — произнёс дворецкий. — Это Юн Соа, новая горничная. Прошу оказать ей содействие в первые дни.

Девушки переглянулись, а после коротко поклонились в знак приветствия. Одна из них, с короткими тёмными волосами и живыми глазами, решила представиться первой:

— Я Суджин, — улыбнулась она. — Буду рада помочь тебе освоиться.

Другая, высокая и стройная, с волосами, собранными в аккуратный пучок, кивнула:

— Миён. Если будут вопросы — обращайся.

Третья, самая молодая на вид, с робкой улыбкой произнесла:

— Я Хиджу. Добро пожаловать.

Я кивнула, чувствуя, как напряжение понемногу отпускает. Но в тот же момент заметила, что все они смотрят не просто с любопытством — в их взглядах мелькает что-то ещё, будто они знают что-то, чего не знаю я. Либо живут по заранее написанному сценарию.

— Это далеко не все слуги, но с ними вы будете встречаться чаще всего. Теперь о правилах, — голос господина Кима прервал мои размышления. — В особняке действует строгий запрет на посещение западного крыла без разрешения. Личные покои господ — в восточном крыле — нельзя беспокоить после 22:00 без экстренного вызова. И самое главное: если вы заметите что-то... необычное, доложите мне немедленно.

«Необычное? — насторожилась я. — Что он имеет в виду?»

Но спрашивать не стала. Вместо этого кивнула:

— Понятно, господин Ким.

— Отлично, — дворецкий слегка склонил голову. — Суджин покажет ваше рабочее место и выдаст инвентарь. К 10:00 вы должны быть готовы приступить к уборке гостевой спальни на втором этаже.

Когда господин Ким ушёл, Суджин подошла ко мне ближе и доброжелательно улыбнулась:

— Не переживай, Соа, тут всё не так страшно, как кажется. Просто делай, что говорят, и всё будет хорошо.

Миён добавила, понизив голос:

— И не ходи одна по коридорам после заката. Особенно если услышишь шаги там, где никого нет.

Хиджу быстро бросила взгляд на дверь и прошептала:

— И никогда не отвечай, если кто-то позовёт тебя по имени из темноты. Даже если голос будет знакомым.

Вдоль позвоночника прошла ледяная волна, оставляя после себя неприятное покалывание.

— Вы это серьёзно?

Суджин мягко коснулась моего плеча:

— Просто совет. В этом доме много старых традиций. И не все они объясняются логикой. Да и старший господин не любит, когда прислуга ведёт себя слишком заметно. Лучше стать тенью.

— Ладно... — протянула я, позволяя девушкам утянуть меня за собой.

Мы прошли через служебный коридор в складское помещение, где на полках аккуратно стояли вёдра, тряпки, флаконы с чистящими средствами. Всё выстроено в идеальном порядке, каждый предмет на своём месте. На стене висела подробная схема особняка с отметками зон ответственности каждого сотрудника.

— Вот твой набор, — Суджин протянула объёмную корзину с инвентарём. — Начнём с гостевой спальни. Там ничего сложного — просто протереть пыль и сменить постельное бельё.

— Вместе?

— Сегодня да, пока идёт твой первый день, — отозвалась рядом Миён. — Потом каждая из нас справляется самостоятельно.

Кивнув и не успевая за потоком новой информации, я всё ещё удивлялась самой себе: «Почему я вообще нахожусь здесь? Почему до сих пор не говорю, что это всё огромная ошибка? Зачем продолжаю следовать непонятному сценарию?..»

Я покинула помещение вслед за остальными. А спустя пару минут вошла в новое. Комната оказалась просторной, с высоким потолком и большими окнами, выходящими в сад. На стенах висели гобелены с изображением охотничьих сцен, а возле камина располагался старинный шкаф с резными дверцами.

Я взялась за тряпку и начала протирать поверхность комода. Движения были привычными — за годы работы уборщицей я научилась делать это почти на автомате. Но что-то отвлекало...

Сначала я услышала шёпот — тихий, едва уловимый. Видимо, кто-то переговаривался за стеной. Но когда я замерла, прислушиваясь, звук исчез.

Потом, протирая зеркало над комодом, я заметила, что моё отражение на мгновение дрогнуло — будто я увидела не себя новую, а кого-то другого: с бледным лицом и тёмными глазами. Я резко обернулась, но за спиной никого не оказалось. Только другие горничные, спокойно выполняющие

свою часть уборки.

«Это просто нервы, — сказала я себе. — Новое место, новые правила, странные предупреждения. Конечно, воображение играет со мной шутки».

Но когда я подошла к окну, чтобы протереть раму, то заметила кое-что ещё. В саду, среди кустов роз, стояла фигура в длинном плаще. Она не двигалась, просто смотрела на особняк. А потом, словно почувствовав мой взгляд, медленно подняла руку и указала прямо на окно.

Я отпрянула — сердце ухнуло в пятки. Когда я снова выглянула, во дворе уже никого не было. Только кусты слегка покачивались, будто кто-то только что прошёл сквозь них.

— Всё в порядке? — спросила Суджин, заметив моё замешательство.

— Да, — я заставила себя улыбнуться. — Просто... показалось.

Она кивнула, но взгляд стал серьёзным.

— В этом доме часто что-то кажется. Главное — не забывай, что не всё, что ты видишь, является тем, чем кажется.

Я молча продолжила работу, но теперь каждое движение давалось с трудом. Воздух в комнате стал гуще, тяжелее, пропитался тайной. И где-то глубоко внутри я понимала: это только начало.

За окном начало темнеть. Тени в углах комнаты удлинились, а гобелены на стенах, казалось, шевелились при каждом дуновении сквозняка. Я старалась сосредоточиться на

уборке, но всё чаще ловила себя на том, что прислушиваюсь к звукам дома. Где-то далеко, за стенами, раздавался тихий звон — будто кто-то перебирал хрустальные подвески люстры.

— Пора заканчивать, — заметила Суджин, взглянув на часы. — Скоро ужин, а потом нам нужно будет подготовиться к вечернему обходу.

Девушки не возражали. Я тоже решила плыть по течению, надеясь, что после того, как день закончится и я наконец смогу заснуть, то проснусь вновь в своей квартире в Сеуле... Вновь повзрослевшая и совершенно обычная.

Мы вышли из спальни, и я невольно оглянулась. В полумраке комната выглядела совсем иначе — более таинственной, почти враждебной. Зеркало над комодом отражало только темноту коридора, но мне показалось, что в его глубине что-то шевелится.

«Что же это за место? — подумала я, следуя за Суджин. — Странный кошмар?»

И почему-то была уверена: ответы на эти вопросы я получу — хочу того или нет.

Суджин повела меня по коридору, показывая расположение служебных помещений и объясняя тонкости работы. Я кивала, запоминала, но мысли витали где-то далеко. Странные предупреждения девушек, шёпот за стенами, фигура в саду — всё это не давало покоя.

«Нужно выбраться, — твердила я себе. — Просто вый-

ти, вернуться в Сеул, к обычной жизни. Может, стоит только проснуться...»

Когда Суджин на мгновение отвлеклась, разговаривая с другим слугой, я незаметно свернула в боковой коридор, ведущий к парадному входу. Ладони вспотели, но я старалась идти спокойно, не привлекая внимания.

Коридор оставался полутёмным, освещённым лишь редкими настенными светильниками, отбрасывающими дрожащие тени на паркет. Я шла, стараясь ступать бесшумно, и всё время ловила себя на ощущении, что кто-то наблюдает за мной. Но стоило обернуться — вокруг никого не оказывалось.

Парадная дверь оказалась массивной, из тёмного дуба, с резными узорами. Я замерла, разглядывая переплетения вензелей — они словно шевелились в свете лампы. Потом тряхнула головой, отгоняя наваждение, и взялась за бронзовую ручку.

Дверь поддалась неожиданно легко, без скрипа, впуская поток свежего воздуха. Я вышла на крыльцо, вдохнула полной грудью — и улыбнулась.

«Получилось!»

Сад раскинулся передо мной во всей красе: аккуратно подстриженные кусты, клумбы с экзотическими цветами, гравиевые дорожки, уходящие вглубь. Я почти бежала, оглябая фонтан с каменной статуей нимфы, чьи глаза безэмоционально провожали меня взглядом.

Ограда особняка виднелась впереди — её не было в прошлый раз, но очередная странность показалась лишь помехой к свободе. Кованые ворота с теми же загадочными узорами. Я ускорила шаг, потом перешла на бег. Трава под ногами пружинила, воздух становился всё свежее, и с каждым шагом страх отступал, сменяясь облегчением.

Вот и ворота. Я схватилась за прутья, потянула на себя — створка легко открылась. За оградой начиналась дорога, ведущая вниз по холму, туда, где вдали мерцало чёрное марево дымки, скрывающей Сеул.

Я сделала шаг вперёд...

...и оказалась в коридоре особняка, прямо на том самом месте, где минуту назад свернула к выходу.

Голова закружилась, я ухватила за стену, чтобы не упасть. Дыхание сбилось, в ушах застучало.

— С тобой всё в порядке, Юн Соа? — раздался голос Суджин рядом.

Я обернулась. Она стояла в паре шагов от меня, держа в руках стопку чистого белья.

— Да... да, просто... закружилась голова, — пробормотала я.

— Бывает, — кивнула Суджин. — Особенно в первые дни. Пойдём, я провожу до комнаты. Тебе нужно отдохнуть.

Она двинулась вперёд, а я поплелась следом, пытаюсь осознать произошедшее.

«Не может быть. Я была у ворот! Я видела дорогу, ту-

ман... Я почти вышла!»

Но никто вокруг не замечал ничего странного. Слуги спешили по своим делам, горничные сновали с вёдрами и тряпками, дворецкий отдавал распоряжения. Для них всё было как обычно. А для меня...

Мы поднялись на второй этаж, прошли по узкому коридору и остановились у двери с номером 17 — той же, к которой сначала привёл меня господин Ким.

— Вот твоё комната, — произнесла Суджин, протягивая мне ключ. — Здесь будешь отдыхать между сменами. Если что-то понадобится — стучи в дверь Миён, она живёт напротив.

— Спасибо, — я с трудом выдавила улыбку.

Утром я сосредоточилась лишь на шоке и отражении в зеркале. Теперь же смогла оглядеться. Комната оказалась небольшой, но уютной: кровать с мягким покрывалом, шкаф для одежды, столик с зеркалом и окно, выходящее в сад. Я закрыла дверь на ключ и прислонилась к ней спиной, пытаюсь собраться с мыслями.

«Что это было? Почему я не смогла выйти? И почему никто не заметил, что я исчезла и появилась снова?»

Подошла к окну. Внизу раскинулся тот самый сад, который я только что пыталась пересечь. Фонтан с нимфой поблёскивал в лучах заходящего солнца, кусты роз стояли ровно, без следов чьих-либо шагов. Ворота были закрыты, как будто никто их и не открывал.

Я опустила на кровать, обхватила голову руками.

«Особняк не отпускает меня. Он... живой? Или это какая-то магия? Что за правила действуют здесь, если даже покинуть это место невозможно?»

В голове всплыли слова Миён: «Не всё, что ты видишь, является тем, чем кажется». Теперь я понимала их истинный смысл.

Раздался тихий стук в дверь.

— Юн Соа, — донёсся голос Суджин. — Забыла сказать. Через полчаса ужин в столовой для прислуги. Не опаздывай.

— Хорошо, — ответила я, вставая. — Иду.

Шаги за дверью стихли, а я кинулась к позабытой на кровати сумке — единственному знакомому предмету. Дрожащими пальцами открыла молнию — чуть было не сломав замок — и достала телефон. Сети нет. Ничего. Проценты зарядки недвусмысленно показывали, что аппарат скоро и во все отключится.

— Да как так-то?! — простонала я в голос и принялась искать по комнате хотя бы одну розетку. Но спустя пятнадцать минут так и не нашла ни намёка на электричество.

«Как же работали те люстры в залах? Опять... магия?»

Кинув бесполезный телефон в груды такого же хлама — старые смятые чеки, заколка для волос, браслетик, блокнот и пустая пачка из-под чипсов, — я постаралась успокоиться. Стоило взять себя в руки и посмотреть, что ещё преподнесёт эта странная новая реальность.

Глубоко вдохнув, я поправила форму и открыла дверь. Суджин стояла на пороге — хотя я была уверена, что она уже ушла, — и улыбалась как ни в чём не бывало.

— Пойдём вместе, — предложила горничная. — Покажу, где столовая.

Я кивнула и последовала за ней, но теперь каждый шаг давался с трудом. Осознание пришло окончательно и бесповоротно: я застряла в этом особняке. Но... плохо ли это?

Глава 3

Ночь выдалась беспокойной. Я ворочалась с боку на бок: подушка обжигала, одеяло давило, простыни скручивались вокруг ног, будто пытались удержать меня на месте. В темноте комната превратилась в чужое пространство: тени от мебели вытягивались, напоминая щупальца, а за окном раздавался шелест — то ли листьев, то ли чьего-то шёпота, который никак не удавалось разобрать.

Стоило закрыть глаза — и перед внутренним взором возникали одни и те же картины: кованые ворота, распахнувшиеся передо мной, дорога, уводящая вниз по холму, далёкие огни города... А следом — резкий рывок, и я снова оказывалась в коридоре особняка, словно никуда и не уходила.

«Это не сон, — повторяла я про себя. — Всё происходит на самом деле».

Под утро удалось задремать, но сновидение получилось рваным, наполненным неясными образами: ветви, сплетающиеся в узорах, чьи-то глаза за спиной, шёпот на незнакомом языке. Проснулась с головной болью, чувствуя себя ещё более разбитой, чем накануне. Виски пульсировали, во рту пересохло, каждое движение отдавалось ломотой, словно новое тело перестало мне принадлежать.

Еле собравшись, я поплелась выполнять новые поручения господина Кима.

Утро началось с мелких неудач. Чашка выскользнула из рук, когда я наливала воду из графина, — звон разбившегося фарфора эхом отозвался в тишине. Осколки разлетелись по полу, один из них оцарапал палец: выступила тонкая струйка крови.

«Живая... настоящая...»

Попытка собрать осколки обернулась новой бедой: я задела вазу с сухоцветами, и та опрокинулась, рассыпая по полу лепестки и сухие стебли. Даже швабра, которую я взяла для уборки, сначала зацепилась за край ковра, а потом едва не упала мне на ногу.

— Осторожно, — раздался голос за спиной.

Я обернулась. За спиной оказалась Миён.

— Ты выглядишь так, словно не спала всю ночь, — заметила она.

— Так и есть, — призналась я. — Просто... не могу привыкнуть. Всё вокруг кажется... неправильным.

Миён кивнула, кажется, уловив суть моих тревог без слов.

— Просто старайся успокоиться. Работа на господ Ли — не худшее, что могло приключиться.

Я сжала губы, не находя ответа. Её слова звучали не как предупреждение, а как констатация неизбежного — будто речь шла о законах природы, которые не подвластны человеческой воле.

— Просто сосредоточься на работе, — добавила она мягче. — Это помогает.

Я кивнула, хотя внутри всё сжималось от тревоги.

Мы быстро разбрались по своим делам, и я попутно пыталась запомнить расположение всех помещений.

Гостевая комната, порученная мне для уборки, встретила простором и светом. Большие окна выходили в сад, солнечные лучи пробивались сквозь тяжёлые шторы, рисуя на паркете золотистые квадраты. На стенах висели картины с морскими пейзажами: волны, разбивающиеся о скалы, парусники на горизонте. Возле камина расположился мягкий диван с вышитыми подушками, а на столике у окна стояла ваза с свежими лилиями — их аромат смешивался с запахом полированного дерева и воска.

Я принялась за работу, стараясь сосредоточиться на движениях: провести тряпкой по поверхности комода, аккуратно смахнуть пыль с рамок картин, протереть стеклянные дверцы шкафа. Но мысли разбегались, снова и снова возвращаясь к вчерашнему происшествию у ворот.

«Почему я не смогла выйти? Что это за место? И почему никто вокруг не замечает ничего странного?»

Закончив с основной уборкой, я проверила вазы с цветами — они стояли свежие, менять не требовалось — и подошла к столику у окна, чтобы заменить воду в графине. Пальцы дрожали, капли падали на полированную поверхность, оставляя мокрые следы.

В коридоре раздались шаги — чёткие, размеренные, каждый выверен до миллиметра. Я замерла, прислушиваясь.

Звук приближался, становился всё отчётливее, и с каждым мгновением по спине бежали мурашки.

Дверь открылась без стука — плавно, почти бесшумно, но от этого ещё ошутимее.

Он вошёл — и всё вокруг мгновенно стало его.

Высокий, с идеально прямой осанкой. Костюм сидел безупречно, подчёркивая широкие плечи и скрытую силу. Белая рубашка накрахмалена до хруста, рукава аккуратно подвёрнуты, обнажая сильные запястья с тонкими чёрными часами. На носу — стильные очки с диоптриями, придающие облику холодный, интеллектуальный оттенок. Ткань костюма отливала едва заметным блеском, туфли сияли, будто их только что отполировали.

Его лицо напоминало высеченную из камня статую: чёткие линии скул, прямой нос, губы, сжатые в ровную линию. Тёмные волосы аккуратно уложены. Глаза — почти чёрные, пронзающие насквозь, считывающие каждую мысль, каждую эмоцию, которую я пыталась скрыть.

В груди что-то сжалось. Не страх — хотя он тлел где-то глубоко внутри. Скорее странное притяжение: невидимая сила тянула к этому мужчине вопреки внутреннему крику: «Держись подальше!» Воздух вокруг сгустился, наполнился электрическим напряжением. Свет в комнате словно померк, всё остальное отошло на второй план — остался только он.

И тут, внезапно, в сознании всплыло знание — Ли Джун-

хёк, 38 лет. Оно возникло само собой, как если бы кто-то вложил его в мой разум, — часть скрытого сценария, о котором я пока не догадывалась. Я не понимала, откуда взялась эта уверенность, но сомнений не оставалось: передо мной стоял хозяин особняка. Старший господин Ли.

Он скользнул по мне взглядом — быстро, отстранённо, словно оценивал не человека, а предмет интерьера.

— Новенькая? — Голос низкий, ровный, лишённый интереса. Но его тембр вызвал тугой узел в животе. Звук резонировал внутри, пробуждая странную дрожь.

— Д-да, — с трудом выдавила я, стараясь унять дрожь в голосе. — Да, господин.

Господин Ли Джунхёк чуть склонил голову, изучая меня ещё секунду, затем произнёс:

— Уберите комнату для переговоров. Через час она мне понадобится.

Коротко, чётко, без лишних слов. Приказ, не терпящий возражений. В тоне не слышалось грубости, но и теплоты тоже — лишь холодная властность, заставляющая подчиняться.

— Да, господин, — я склонила голову, ощущая, как пылают щёки.

Он уже повернулся к выходу, но замер на миг, будто что-то вспомнил.

— И ещё, — добавил, не оборачиваясь. — В этом доме не принято опаздывать.

Затем вышел так же бесшумно, как и вошёл, оставив после себя едва уловимый аромат сандала и чего-то ещё — властного, неумолимого, почти осязаемого.

Я стояла неподвижно, пока шаги не затихли в глубине коридора. Руки дрожали, дыхание сбилось, а в голове крутилась одна мысль:

«Знает ли он, что я появилась здесь не совсем вовремя, как и сказал господин Ким? И почему от одного присутствия старшего Ли мир вокруг леденеет?»

Медленно выдохнув, я поправила форму и направилась к выходу. Нужно успеть подготовить комнату для переговоров — и постараться не думать о том, что именно от этого мужчины — нанимателя — зависела моя дальнейшая работа здесь. Хочу я того или нет.

Комната для переговоров встретила меня строгой, почти аскетичной роскошью. Длинный стол из тёмного дерева с едва заметным узором прожилок, вокруг — двенадцать кресел с высокой спинкой, обитых тёмно-синей кожей. На стенах — карты в простых рамах, не декоративные, а рабочие: с отметками, пометками, линиями маршрутов. Окна зашторены структурными портьерами цвета грозового неба.

Я быстро, но аккуратно расставила подносы с чаем: фарфоровые чашки, серебряные щипцы для сахара, блюдца с тонкими ломтиками лимона. Рядом поставила вазу с белыми орхидеями, удивившись подобному выбору цвета от флори-

ста. Проверила, чтобы все предметы стояли симметрично, салфетки лежали под одинаковым углом, а графин с водой не отбрасывал бликов на документы, которые уже лежали на столе.

Закончив, я сделала шаг к двери, представляя, как выйду в коридор и вздохну с облегчением... Но замерла, услышав голоса за стеной.

— ...И это только начало, — донёсся низкий, властный голос господина Ли. — Рынок не терпит колебаний. Либо ты диктуешь условия, либо становишься их частью. В нашем деле нет места для сомнений. Третьего не дано.

— Понимаю, господин Ли, — ответил второй голос, заметно дрогнувший. — Мы учтём ваши замечания и скорректируем стратегию. Уже сегодня начнём перерасчёт всех показателей.

— Не «начнём», — отрезал Ли Джунхёк, и даже мне стало не по себе от остроты его тона. — Вы завершите перерасчёт. И не через неделю, не завтра, а через два часа. У вас есть доступ к серверам компании — задействуйте их мощности. Если к 15:00 у меня на столе не будет обновлённых прогнозов с учётом всех переменных, включая макроэкономические индикаторы и региональные риски, — мы будем вынуждены пересмотреть условия нашего сотрудничества.

Я осторожно выглянула в щёлочку двери, надеясь заметить пути к отступлению и не попасться на глаза. В памяти всплыли слова других горничных: «Господа не любят, когда

прислуга становится заметной».

Мой наниматель (пусть я к этому специально и не стремилась) и неизвестный мужчина стояли совсем близко, перекрывая любую возможность ускользнуть.

Партнёр Ли Джунхёка сглотнул, пальцы его побелели, сжимая папку.

— Господин Ли, это крайне сжатые сроки... У нас не так много аналитиков в смене, и...

— Меня не интересуют оправдания, — перебил хозяин особняка. — Меня интересуют результаты. Вы получили доступ к ресурсам «Ли Групп» — используйте их. Или вы переоценили свои возможности?

Мужчина побледнел, вытер испарину со лба.

— Нет, конечно нет, господин Ли. Мы сделаем всё возможное.

— Не «возможное», — холодно поправил Ли. — А необходимое. И помните: я не прощаю ошибок дважды.

Я отпрянула от двери — сердце забилось чаще. Попасться на глаза господину сейчас — значит нарваться на неприятности. Он явно пребывал не в лучшем из своих настроений. Либо же был таким ледышкой постоянно — что ещё хуже. Нужно было найти другой выход.

Взгляд метнулся по комнате: в дальнем конце виднелась ещё одна дверь — вероятно, запасной выход или переход в соседнее помещение. Я на цыпочках направилась к ней, стараясь не шуметь, но в спешке перепутала: вместо двери в ко-

ридор нащупала гладкую поверхность дверцы шкафа. Дёрнула — та открылась, открыв вид на ряды костюмов, висящих в строгом порядке.

«Только не это», — мелькнуло в голове.

Я попыталась развернуться, но было поздно: дверь переговорной распахнулась, а я шагнула в своё странное убежище и закрыла дверцу. В следующую секунду в комнату вошёл господин Ли в сопровождении того самого невысокого мужчины в сером костюме. Партнёр продолжал нервно терзать край папки, его лицо покрылось испариной, а взгляд постоянно скользил в сторону, избегая прямого контакта с боссом.

Господин Ли двигался с той же холодной уверенностью, что и раньше. Его шаги звучали чётко, размеренно, будто отмеряли ритм чьих-то решений. Он остановился у стола, сложил руки за спиной и посмотрел на партнёра так, что тот невольно отступил на полшага.

— Вы недооцениваете риски, — произнёс Ли Джунхёк. — Ваши расчёты основаны на устаревших данных. Если вы не пересмотрите прогнозы, проект провалится ещё до запуска. А провал — это репутационные потери. Вы понимаете, что это значит для всех нас?

Мужчина сглотнул, пальцы его сжались на манжете.

— Мы проведём дополнительную проверку, господин Ли. Обещаю, завтра к утру у вас будут новые цифры.

— Нет. Через час.

Партнёр кивнул, бледнея сильнее прежнего, и поспешно отступил к двери.

Я замерла в шкафу, вжимаясь в угол между вешалками. Дыхание участилось, ладони вспотели, а сердце стучало так громко, что, казалось, его слышно в тишине комнаты.

«Только бы они ушли, — молилась я про себя. — Только бы не заметили... Как же глупо я буду выглядеть со стороны!»

Но стоило Ли Джунхёку сделать шаг к столу, как за моей спиной что-то шевельнулось.

Тёплое дыхание коснулось шеи, сильные руки обхватили плечи, а ладонь мягко, но настойчиво закрыла рот. Я дёрнулась, чуть не подпрыгнув, но меня удержали, прижимая к чьему-то твёрдому телу.

— Тссс, — прошептал молодой мужской голос прямо в ухо, низкий и соблазнительный, с ноткой насмешки. — Не шуми, малышка.

Я застыла, чувствуя, как по спине пробежала волна мурашек. Запах — цитрус и что-то древесное, свежее и дерзкое — заполнил лёгкие, вытесняя аромат орхидей и полированного дерева.

— Любопытная птичка? — продолжил голос, и в нём прозвучала улыбка. — Новенькая?

Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

Он чуть ослабил хватку, и я смогла повернуться. Передо мной стоял молодой парень — высокий, с растрёпанными

тёмно-каштановыми волосами, падающими на лоб так, будто он только что специально взъерошил их пальцами. «Ли Доён, 20 лет», — зазвенело в голове. Я сглотнула, пытаюсь не выдать, как закружилась голова от новой, чужеродной информации.

Молодой господин выглядел небрежно, даже легкомысленно, но в каждом коротком (ввиду тесноты шкафа и нашего положения) движении сквозила уверенность, которую редко встретишь в таком возрасте. Его поза оставалась расслабленной: одна рука небрежно засунута в карман брюк, другая опиралась о стенку шкафа. Но глаза — карие, с золотистыми искорками — смотрели остро, цепко. Я не сомневалась: он мгновенно считывал каждую эмоцию на моём лице. И эти уголки губ... приподнятые в полуулыбке — не широкой, не открытой, а такой, что невозможно понять: это искренняя насмешка или продуманная игра?

В этой улыбке читалась дерзость молодости, но за ней угадывалась какая-то скрытая глубина. Он словно бросал мне вызов одним лишь изгибом губ — мол, попробуй разгадать, кто я на самом деле.

— Я тоже люблю подслушать, о чём беседует отец с этими кретинами, — прошептал он, чуть склоняясь ближе. — Но сегодня он в особенно дурном настроении. Лучше не попадаться на глаза.

Пальцы парня скользнули по моей руке, мягко, почти невесомо, и он слегка развернул меня к себе.

— Ли Доён, — представился он шёпотом, чуть склонив голову. — Младший господин этого дома. А ты...?

Я сжалась, замечая нашу почти непристойную близость и пытаюсь собраться с мыслями.

— Юн Соа, господин, — выдавила наконец.

— Приятно познакомиться, Юн Соа, — Ли Доён подмигнул. — Теперь слушай внимательно: когда отец уйдёт, я выведу тебя через служебный коридор. Но пока — молчи и не шевелись. Иначе он заметит, а я скажу, что во всём виновата лишь ты.

Я вспыхнула от его невиданной наглости.

— Но я просто убиралась в комнате.

Насмешка парня стала ещё более тягучей:

— Думаю, сыну он поверит больше.

Словно в подтверждение его слов, голос старшего господина Ли донёсся из комнаты:

— И ещё одно, — произнёс он, обращаясь к нерасторопному партнёру, и в тоне прозвучала угроза. — Если в этот раз ошибки повторятся, нам придётся пересмотреть условия нашего сотрудничества. И поверьте, новые условия будут куда менее выгодными.

Партнёр что-то пробормотал в ответ, но я не разобрала слов. Шаги приблизились к двери, затем стихли — видимо, мужчина вышел.

Младший Ли приложил палец к губам, призывая к молчанию, и чуть отодвинулся, прислушиваясь. Через несколько

минут до нас донёлся звук закрывающейся двери, а затем — удаляющиеся шаги старшего господина Ли.

— Теперь можно, — выдохнул Ли Доён, наконец отпуская меня. — Пойдём.

Он открыл дверцу шкафа и жестом пригласил выйти. Я последовала за ним, всё ещё чувствуя дрожь в коленях и странное послевкусие этого мгновения — страха, неожиданной близости и чего-то ещё, что пока не получалось назвать.

Доён провёл меня через короткий коридор, ловко огибая углы. Его шаги выглядели лёгкими, почти танцующими, а улыбка не сходила с лица.

— Знаешь, — он вдруг замедлил шаг и обернулся ко мне, — здесь скучновато, малышка. Может, как-нибудь вечером заглянешь в мою часть особняка? Поболтаем, выпьем чего-нибудь... Отец нечасто разрешает мне развлекаться, но для новенькой я что-нибудь придумаю.

Его голос оставался игривым, почти беззаботным, но во взгляде мелькнуло что-то более серьёзное — будто он проверял мою реакцию.

— Я... я не могу, — пробормотала я, отступая на шаг. — У меня много работы, господин.

— О, работа подождёт, — Ли Доён сделал широкий шаг, сокращая расстояние. Его улыбка стала развязнее, но в глазах по-прежнему читалась эта странная смесь насмешки и чего-то ещё, чего я не могла разгадать. — В этом доме всегда найдётся минутка для развлечений. Особенно если речь

идёт о такой очаровательной новенькой.

Он провёл пальцем по краю моего рукава — лёгкое, почти невесомое прикосновение, от которого по коже побежали мурашки.

— Представь: вечер, терраса с видом на сад, бокал прохладного шампанского... И никаких строгих правил, — фраза получилась почти гипнотической. — Отец занят делами, слуги — своими обязанностями, а мы... мы с тобой могли бы просто поболтать. Узнать друг друга лучше.

Я отступила, стараясь не поддаваться его странному магнетизму.

— Простите, господин Ли, но я не могу. У меня строгий распорядок. И я должна выполнять свои обязанности, а не... развлекаться.

Доён рассмеялся — звонко, искренне, будто я сказала что-то невероятно забавное.

— Обязанности? Да брось. Ты же не машина, чтобы работать без остановки. К тому же, кто узнает? Я умею хранить секреты. Особенно когда они касаются чего-то приятного.

Он снова приблизился, и мне показалось, что парень вот-вот коснётся моего лица. Я замерла, не зная, как отреагировать: оттолкнуть было бы дерзостью, а позволить продолжить — ещё большей ошибкой.

Но в этот момент небеса вспомнили, что и мне стоит толика везения. Из-за угла появился господин Ким. Его появление оказалось настолько внезапным, что господин Доён даже

отпрянул, на миг утратив всю беззаботную уверенность.

— Юн Соа, — господин Ким поклонился господину, но продолжил говорить со мной. — Вас ждут в столовой для слуг. Немедленно. Там скопилось много дел после утреннего приёма.

Я вздрогнула, удивлённо взглянув на дворецкого. Столовая для слуг находилась в противоположной части особняка — далеко от моих обычных маршрутов. Заходила я туда лишь для приёма еды, а не для того, чтобы убраться, как сказал сейчас господин Ким. Но возражать было невозможно.

— Да, господин Ким, — я склонила голову, стараясь скрыть облегчение. — Сейчас же отправляюсь туда.

Доён нахмурился, явно недовольный вмешательством.

— Постой, Ким, — начал он, но слуга перебил его с невозмутимой вежливостью:

— Прошу прощения, молодой господин, но распоряжения господина Ли в приоритете. Юн Соа должна выполнять свои прямые обязанности.

В глазах Доёна мелькнуло раздражение, но он быстро взял себя в руки и снова расплылся в улыбке.

— Что ж, видимо, наш разговор придётся отложить, — он подмигнул мне. — Но я запомнил твоё имя, Юн Соа. И найду способ встретиться снова.

Господин Ким сделал едва заметный жест, указывая мне следовать за ним. Я поклонилась обоим и поспешила за дворецким, стараясь не бежать, но и не терять времени. Толь-

ко когда мы свернули за угол и шаги Доёна перестали быть слышны, я позволила себе выдохнуть.

— Спасибо, — тихо произнесла я, когда мы оказались вне зоны слышимости. — Вы очень вовремя появились.

Господин Ким бросил на меня короткий взгляд, его лицо оставалось бесстрастным.

— Не стоит благодарности. Вы здесь для работы, а не для развлечений. И запомните: в этом доме лучше держаться подальше от любого из господ. Их внимание может принести больше проблем, чем вы ожидаете.

Я кивнула, чувствуя, как внутри всё ещё дрожит от пережитого напряжения. Слова дворецкого звучали как предупреждение — и

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.